

Л. Н. ТОЛСТОЙ

<Из дневниковых записей и писем о Федорове>

ДНЕВНИК 1881 г.

1881, 5 октября. <Москва>

Прошел месяц — самый мучительный в моей жизни. Переезд в Москву. — Всё устраиваются. Когда же начать жить? Всё не для того, чтобы жить, а для того, что так люди. Несчастные! И нет жизни. —

Вонь, камни, роскошь, нищета. Разврат. Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргию, и пируют. Народу больше нечего делать, как, пользуясь страстями этих людей, выманывать у них назад награбленное. Мужики на это ловчее. Бабы дома, мужики трут полы и тела в банях, возят извозчиками. —

Николай Федорыч — святой. Каморка. Исполнять! — Это само собой разумеется. — Не хочет жалованья. Нет белья, нет постели. <...>

В. И. АЛЕКСЕЕВУ¹

15–30 ноября 1881. Москва

<...> Есть и здесь люди. И мне дал Бог сойтись с двумя. Орлов² один, другой и главный Николай Федоров<ич> Федоров. Это библиотекарь Румянцевской библиотеки. Помните, я вам рассказывал. Он составил план общего дела всего человечества, имеющего целью воскрешение всех людей во плоти. Во-первых, это не так безумно, как кажется. (Не бойтесь, я не разделяю и не разделял никогда его взглядов, но я так понял их, что чувствую себя в силах защитить эти взгляды перед всяким другим верованием, имеющим внешнюю цель.) Во-вторых и главное, благодаря этому верованию он по жизни самый чистый христианин. Когда я ему говорю об исполнении Христова учения, он говорит: *да это разу-*

меется, и я знаю, что он исполняет его. — Ему 60 лет, он нищий и все отдает, всегда весел и кроток. <...>

С. А. ТОЛСТОЙ

4 февраля 1882. Ясная Поляна

<...> Я знаю, что нужно и общение с подобными себе, и очень нужны и мои три месяца в Москве, с одной стороны, мне дали очень много, не говоря уже об Орлове, Ник<олае> [Федоровиче], Сютаеве³, — ближе узнать людей, общество даже, кот<орое> холодно осуждал издали, мне дало очень много. И я разбираюсь со всем этим матерьялом. <...>

ДНЕВНИК 1884 г.

26 марта/7 апреля

<...> Иду отнести книги. Чувствую необходимость большей последовательности и освобождения от лжи — юродство — да. В библиотеке Ник<олай> Фед<орович> как будто чего-то хочет от меня. Мне спокойно с ним. <...>

3/15 мая

<...> Попытки тщетные писать. То ту, то другую статью. О переписи важно, но не готово в душе. Пошел в музей. Никол<ай> Фед<орович> добр и мил. Походил с ним, потом купил табак и к Урусовым⁴. <...>

5/17 мая

Во сне видел, что жена меня любит. Как мне легко, ясно все стало. Ничего похожего наяву. И это-то губит мою жизнь. И не пытаюсь писать. Хорошо умереть.

Пошел в библиотеку. Ник<олай> Фед<орович> все так же добр ко мне. <...>

ДНЕВНИК 1889 г.

14 января 1889

<...> Колол дрова, ходил, встретил Ник<олая> Федор<овича> и с ним беседовал. У него вроде как у Урусова в жизни и в книгах не то, что есть, а то, что ему хочется. И интонации уверенности удивительные. Всегда эти интонации в обратном отношении с истиною. Ему пластырь надо. <...>

7 февраля 1889

<...> Ничего не делал, уныл и слаб. Пошел ходить, в Музей. Ник<олай> Фед<орович>, Корш⁵. Мне легче с ни<ми>. <...>

12 апреля

<...> Возился усердно, но почти бесплодно над статьей об иск<усстве>. Пошел <...> к Ник<олаю> Фед<оровичу>, с ним ходил и рассказывал ему «об иск<усстве>». Он одобрил⁶. <...>

14 апреля

<...> Писал об ис<кусстве>. Совсем запутался. Даже досадно. Надо оставить. Теперь 2. Пойду в Рум<ян>цевский [музей] и к Мар<акуеву>⁷. <...>

22 апреля

<...> Ходил в Румянц<евский> М<узей>. Беседовал с Ник<олаем> Фед<оровичем>, взял Сен-Симона. <...>

В. М. ВЛАДИСЛАВЛЕВУ⁸

2 ноября 1895. Ясная Поляна

Я с радостью подпишу всякий адрес, который вы напишете Ник<олаю> Фед<оровичу>. И как бы высоко вы в этом адресе ни оценили и личность и труды Николая Федоровича, вы не выразите того глубокого уважения, которое я питаю к его личности, и признания мною того добра, которое он делал и делает людям своей самоотверженной деятельностью. Благодарю вас за то, что вы обратились ко мне.

Пришлите мне адрес по почте. Я подпишу и тотчас же возвращу⁹.

Лев Толстой.

2 ноября 95.

